

ВОСПОМИНАНИЯ О ГАРШИНЕ

ГАРШИН В ОКУНЕВЫХ ГОРАХ

(ВОСПОМИНАНИЯ ЕГО ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРЫ)

Предисловие и публикация А. Н. Дубовикова

Об авторе этих воспоминаний мы знаем только то, что она в них сама рассказала о себе. Двоюродная сестра писателя, она была дочерью самой младшей из сестер М. Е. Гаршина, которая вышла замуж за помещика, жившего в Курской губернии. Имени своего автор не сообщает, фамилия ее тоже остается неизвестной, так как конец воспоминаний, где стояла, вероятно, подпись, не сохранился.

Но предпринятые нами разыскания привели все же к некоторым (пока еще не вполне достоверным) результатам. Наиболее обширные, хотя и не полные сведения о нескольких поколениях гаршинской семьи, главным образом о детях и внуках Егора Архиповича Гаршина (деда писателя), собраны в специальной работе, опубликованной в 1924 г.¹ Здесь перечислены не все 19 детей Е. А. Гаршина, а только 8; последней в этом ряду названа Ольга Егоровна И—ко, у которой было восемь человек детей; среди последних указана дочь, которой во время собирания данных о семье, т. е. в 1922—1923 гг., было 58 лет, а значит в 1878 г. ей должно было быть 13—14 лет. Если предположить, что эта дочь и является автором наших воспоминаний, то ее фамилию и фамилию ее матери по мужу надо искать в справочниках по Курской губернии. Их существует немного и извлечь из них ничего не удалось. Более результативным оказался просмотр издания, примыкающего к «Трудам редакционной комиссии для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». В качестве приложения к этим «Трудам» тогда же, т. е. накануне реформы, были собраны и изданы «Сведения о помещичьих имениях». В первом томе их (СПб., 1860, с. 20), в перечне имений по Льговскому уезду Курской губернии встречаем как будто подходящую к нашим поискам фамилию: «П. А. Иваненко — дер. Журавля, 303 души. Земли усадебной 20,5 дес., пахотной 615 дес.». Предположение, что за этим Иваненко была замужем младшая из теток Гаршина, находит поддержку в письме его к матери от 14 марта 1879 г. Он пишет здесь, что некая Елизавета Петровна Кисляковская «объявила» одной их общей знакомой, «что я ей родственник. Как-то через Иваненковых» (*Гаршин III*, с. 180).

Так как более точными сведениями мы пока не располагаем, то остановимся на допущении, что автор воспоминаний принадлежала к семье Иваненко. Сохранила ли она эту фамилию до старости или сменила ее в связи с замужеством, мы не знаем и потому будем далее называть ее этой фамилией условно.

Иваненко дважды указывает в своих воспоминаниях, что со времени описываемых событий прошло более полувека. Но, несмотря на то что за этот долгий срок память могла изменить ей, этого не случилось. Придирчивая проверка упоминаемых ею событий и лиц подтверждает достоверность ее рассказа — от самого факта приезда Гаршина с матерью и братом в Окуневы горы летом 1878 г. до сведений о лицах, которых они нашли среди обитателей и гостей усадьбы Костромитиновых². По-видимому, для юного тогда автора встреча с Гаршиным, близким родственником и уже известным писателем, явилась одним из тех ярких впечатлений, которые неизгладимо врезаются в память и сохраняются в ней на всю жизнь. Мелкая ошибка в указании тогдашнего возраста Гаршина, конечно, вполне простительна и не может поколебать наш вывод о достоверности этих воспоминаний.

В мемуарной литературе о Гаршине преобладают рассказы о последних годах его жизни, о его болезни и трагической смерти. Есть довольно много воспоминаний, посвященных детству и годам учения Гаршина, а также его участию в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Но среди более чем шестидесяти зарегистрированных в библиографии воспоминаний очень мало рассказывающих о коротком и почти безоблачном периоде, который наступил в жизни Гаршина после возвращения его из армии и трагически завершился сильнейшим приступом болезни в феврале 1880 г. Об этом времени и рассказывает Иваненко, рисуя Гаршина в кругу веселой и беззаботной компании молодежи, собравшейся в то лето в Окуневых горах³. Воспоминания ее неприятны, они не претендуют на большую значительность, но в них создан живой образ молодого Гаршина в пору начала его литературной работы. В этих воспоминаниях запечатлены и некоторые существенные для понимания личности Гаршина и его литературно-эстетических вкусов штрихи: мастерское чтение им монолога Попричина и (несколько неожиданно) державинской оды «Бог», любовь к Лермонтову и высокая оценка романа «Душа моя мрачна...».

Воспоминания «О Гаршине» публикуются по автографу, сохранившемуся среди бумаг И. Р. Эйгеса (ЦГАЛИ, ф. 2218, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1—10). Окончание текста утрачено. Архивное определение документа как «рукописной копии» следует считать ошибочным: наличие в автографе авторских исправлений и вставок характерно для авторской рукописи, а не для копии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Г. Г а л а ч ь я н и Т. И. Ю д и н а. Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи (из психиатрической клиники 1 Московского государственного университета). — «Русский евгенический журнал», 1924, г. I, вып. 3—4, с. 321—342. По вполне понятным причинам фамилии членов гаршинской семьи обозначены здесь только начальными буквами, что, конечно, осложняет пользование материалами, приводимыми в статье.

² О пребывании в Окуневых горах Гаршин упоминает в письме к матери от 24 августа 1878 г., poslanном из Москвы, куда он приехал, очевидно, прямо из усадьбы Костромитиновых (*Гаршин III*, с. 162). В позднейших письмах к матери и к брату Евгению мы также находим немало упоминаний об Окуневых горах (там же, с. 171, 172, 186, 190, 191). Справки о лицах, названных в воспоминаниях, см. в примеч. к ним.

³ Е. М. Гаршин в своих воспоминаниях о брате, написанных сразу после его смерти, пишет о лете 1878 г.: «Это лето, проведенное в Орловской губернии, в привольном имении нашей покойной тетки, было предпоследним, когда я видел Всеволода веселым, бодрым и вполне здоровым и когда он с увлечением предавался незамысловатым летним удовольствиям» (В. М. Г а р ш и н. Полн. собр. соч. СПб., 1910, с. 15; первоначально: журнал «Родник», 1888, № 6).

О ГАРШИНЕ

С моим двоюродным братом Всеволодом Гаршиным я провела лето 1878 г. у нашей общей тетки Александры Егоровны Костромитиновой, урожденной Гаршиной.

У нашего деда Егора Архиповича Гаршина было 19 человек детей. Александра Егоровна была старшей, Михаил (отец Всеволода) третьим, а моя мать девятнадцатой. На девятый день после ее рождения бабушка моя умерла, и Александра Егоровна, которая уже пять лет была замужем за Орловским помещиком Костромитиновым¹, взяла на воспитание младшую сестру, так как своих детей у нее не было. Вскоре судьба послала им еще одного воспитанника Володю Завистовского, племянника ее мужа. Дети росли вместе.

В 1878 г. моя мать была уже давно замужем, а Володя превратился во Владимира Фаддеевича, женился и остался жить со стариками². Дядя

передал ему управление всем имением, кроме большого старинного сада, который считался собственностью тетушки и в котором она выстроила себе маленький домик, где и жила одна вдаль от большого шумного дома. Из детей моей матери я была ее любимицей и часто в детстве живала с ней в этом домике целыми годами.

В 1878 г. мне было 14 лет, а Всеволоду 24³.

В силу каких-то семейных обстоятельств родные не очень ладили с матерью Всеволода, так что ни раньше, ни позже этого лета мы с ним не видались, и мои воспоминания будут в сущности воспоминаниями 14-летней девочки.

Отец Всеволода давно уже умер⁴. После его смерти Всеволод и его три брата жили с матерью, и мои родные совсем потеряли их из виду.

В этом же году появился в «Отечественных записках» рассказ Гаршина «Четыре дня»⁵. Тетушка Александра Егоровна прочла его, подумала, что в нем Всеволод описал то, что случилось с ним самим, пришла в ужас, растрогалась и написала Екатерине Степановне письмо, приглашая ее приехать на лето с сыновьями. В это время с Екатериной Степановной жили только два младших сына; старший где-то служил, а средний недавно застрелился⁶. Она приняла приглашение и написала, что придет с Всеволодом, только что оправившимся от раны, полученной на войне, и с Евгением, гимназистом восьмого класса.

В середине мая 1878 г. я со своей гувернанткой приехала из Курской губернии погостить к тетушке в Окуневы горы (так называлось имение).

Съезд в это время был громадный. Достаточно сказать, что за стол нас садилось тридцать человек. У Завистовского было восемь человек детей и гостили братья и сестры его жены, из которых одна была замужем за певцом Хохловым, сделавшимся впоследствии московской знаменитостью. В то время он только что кончил университет, заканчивал свое музыкальное образование, голос его был в полном расцвете, он пел нам целыми днями и вечерами, и, кажется, никогда, ни до, ни после, он не пел так много и так хорошо⁷.

Среди многочисленных репетиторов и учителей детей выделялись студент художник Ярцев, рисовавший на всех нас карикатуры⁸, и пианистка Курбатова, великолепно аккомпанировавшая Хохлову⁹.

Когда мы приехали, большой деревенский дом, летний флигель в саду, все было набито битком. Меня и мою гувернантку поместили в тетушкин домик и там же приготовили комнату для матери Гаршиных. Но Всеволода и Евгения было решительно некуда деть. По счастью, рядом с тетушкиным домиком находилась оранжерея и в ней полуподвальная комната для садовников. Ее выбелили, повесили на окна белые кисейные занавески, поставили две кровати и стол, и вышло очень уютное и оригинальное помещение.

До сих пор у меня в памяти сохранилось впечатление яркого солнца, белых стен, теплого, влажного и душистого воздуха, все это неразрывно слилось с воспоминаниями о Всеволоде, для которого, казалось, нельзя было создать более подходящей обстановки.

Как сейчас помню их приезд. Доложили, что приехали Гаршины. Мы с Лидией (младшая сестра жены Владимира Фаддеевича, моя ровесница, с которой я была очень дружна¹⁰) выскочили на крыльцо и увидели маленькую полную старушку, а за ней высокого хромого офицера, опирающегося на палку, и невысокого, некрасивого гимназиста.

Мы обе сразу без ума влюбились во Всеволода, что ничуть не поколебало нашей дружбы¹¹. Все его портреты, не исключая и репинского в Третьяковской галерее, очень похожи, но совсем не передают ежеминутно менявшегося выражения его лица. Высоко поднятые над переносицей брови придавали скорбное выражение верхней части лица, между тем как

«В БОЛГАРИИ. ЭПИЗОД ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДОВ»

Картина М. Е. Малышева (масло), 1879

Третьяковская галерея, Москва

губы улыбались весело и совсем по-детски, а про глаза я и до сих пор не могу сказать, какого они были цвета, кажется, светло-карие, но иногда казались серыми, иногда черными. В нем не было ничего резкого: голос был тихий, двигался он медленно, может быть, от простреленной ноги. Он сам про себя говорил: «Что я? Подстреленная галка, и больше ничего».

Теперь, через пятьдесят с лишком лет, у меня в памяти сохранились только некоторые моменты нашей совместной жизни в Окуневых горах. Помню, как он потерял в саду свои серебряные часы; мы с Лидией встали в пять часов утра и отправились их искать. Каждая в душе молилась богу, чтобы именно ей удалось их найти. Проползавши безрезультатно часа три в мокрой от росы траве, мы собирались уже идти пить чай, как вдруг Лидия закричала: «Я нашла, я нашла!» Зажав часы в руке, она опрометью бросилась в большой дом, я за ней. Лидия торжествующе вручила Всеволоду часы. Он очень просто взял их, поблагодарил, спрятал в карман, но для него так и осталось тайной, каких трудов нам стоило их найти и каким событием было это в нашей жизни.

Помню еще, как я набрала ему малины в большой лист лопуха и пошла с ней к открытому окну оранжереи. Всеволод сидел за столом и что-то писал. В это лето он усиленно куда-то готовился и брал уроки латыни у своего брата гимназиста Евгения¹². Я присела на подоконник и протянула ему малину. И вдруг он подтолкнул снизу вверх мою руку, так что вся малина рассыпалась по столу. «С какой стати ты набираешь мне малину,— сказал он.— Я понимаю, если бы ты принесла ее тетке, или моей матери, а я сам могу нарвать, когда мне захочется».

Я сидела на окне, опустив голову и глотая слезы. Он собрал малину, вышел из оранжереи и сел рядом со мной. «Ну, перестань плакать,— сказал он,— давай вместе есть малину, сестричка, только в другой раз таких глупостей не делай».

Как-то раз я, Всеволод и Евгений сидели в саду на краю крутого спуска к реке. Всеволод расшалился, он был очень весел в это утро. Сшил себе плащ из листьев хрена, скрепляя их травинками, и читал нам

на память «Записки сумасшедшего» Гоголя. Он тогда еще не знал, что через год он сам будет сидеть в сумасшедшем доме. Но, очевидно, зародыш болезни в нем уже таился. До сих пор помню, как у него задрожал голос, когда он дошел до обращения к матери: «Матушка, спаси своего бедного сына!» Потом речь зашла о Державине. «Ну, кто же теперь читает Державина, — сказал Евгений, — скучно и напыщенно!» — «Эх, вы, молодежь, ничего вы не понимаете, — ответил Всеволод. — Одна ода «Бог» чего стоит! Ни раньше, ни позже никто не возвысился до такого определения божества». И он наизусть прочитал нам всю оду, гораздо лучше, чем «Записки сумасшедшего».

Один раз все отправились пить чай в лес. На большой поляне разостлали ковер, расставили посуду. Все расположились кругом на траве, как бывает всегда на всех пикниках. Всеволод рассказывал о войне, о том, как он был ранен, потом речь зашла о теме, которую каждый взял бы для произведения. Всеволод сказал: «А я собираюсь написать о пальме, которая пробилась потолок оранжереи и замерзла». Очевидно он думал о своей «Attalea princeps»¹³. «Вы что же хотите сказать, — спросил Владимир Фаддеевич, — что свобода нам не по климату?» — «Если хотите, да. Может быть, в отдаленном будущем, во всяком случае, не теперь», — ответил Всеволод.

В плохую погоду все собирались в диванной слушать Хохлова. Любимой вещью Всеволода был романс малоизвестного композитора Офросимова на слова Лермонтова «Еврейская мелодия» («Душа моя мрачна...») ¹⁴. Хохлов, зная впечатление, которое она всегда производила на Гаршина, пел ее особенно часто. Всеволод обыкновенно садился верхом на стул, клал голову на скрещенные на спинке стула руки и так слушал.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки.
Я говорю тебе, я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.

Удивительный баритон Хохлова наполнял всю комнату и хватал за сердце. Когда Всеволод вставал со стула, я каждый раз на глазах его видел слезы.

Неожиданно пришло письмо от матери, что мне пора возвращаться домой. На прощанье мы решили всем обществом устроить грандиозный пикник за 15 верст, в имении жены Хохлова — Ясенки. Все разместились в трех экипажах. Я ехала в коляске с женой Завистовского, а на передней лавочке сидел Всеволод.

Дорога шла рожью, синели васильки. «Ты умеешь плести венки? Я нарву васильков», — сказал Всеволод. Я ни теперь, ни тогда венков плести не умела. Пришлось в этом признаться. Всеволод попросил кучера остановиться, мы вышли из коляски и набрали целый сноп васильков. Он положил их ко мне на колени, сплел, пока мы ехали, широкий венок и надел его мне на шляпу. «Каждая девочка должна уметь плести венки», — сказал он правоучительно.

В Ясенках все шло по заведенной программе: пили чай в березовой роще, много пел Хохлов. Вне программы пошел дождь. Все бросились относить вещи в дом. Мы с Всеволодом накрылись большим тяжелым ковром и потащили его на плечах. Как завидовала мне Лидия!

Переждать дождик уселись на террасе, и Всеволод затеял игру «Благовест».

«Бли-и-ин, бли-и-ин», — медленно начинал бас. «Полблина, полблина», — в тон ему вступал Хохлов, «Четверть блина, четверть блина», — подхватывая Всеволод. «Три блина, три блина, пять блинов, пять

блинов», — все выше и все быстрее раздавались женские голоса. «Блины, блины, блины, блины», — скороговоркой на самых высоких нотах заливалась Лида. Выходило похоже, и все хохотали.

Через день я уехала и никогда уже не видала Всеволода.

С тех пор прошло больше полувека, и многое стало мне понятнее и яснее. Тогда я случайно услышала разговор между Завистовским и Хохловым.

«Скажи мне, пожалуйста, Паша, что находят женщины в этом плаксе?» — сказал Завистовский.

«На их языке это называется сложной натурой», — насмешливо ответил Хохлов.

Теперь я вижу, что это было *⟨на этом рукопись обрывается.⟩*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николай Федорович Костромитинов, владелец сельца Окуневы горы, Ливенского уезда, Орловской губернии.

² Владимир Фаддеевич Завистовский был женат на Варваре Николаевне Коротневой, которая умерла в 1879 г. (см. письмо Гаршина к матери от 5 февраля 1879 г. — *Гаршин III*, с. 176).

³ Неточность: летом 1878 г. Гаршину было 23 года.

⁴ Михаил Егорович Гаршин умер осенью 1870 г. (см. упоминание о его смерти в письме Гаршина к матери от 22 октября 1870 г. — *Гаршин, III*, с. 408).

⁵ Рассказ «Четыре дня» был напечатан: *ОЗ*, 1877, № 10.

⁶ Старший брат Гаршина — Егор Михайлович (см. о нем наст. том, с. 200). Второй брат Виктор застрелился 30 декабря 1873 г.

⁷ Павел Акинфиевич Хохлов (1854—1919) окончил юридический факультет Московского университета в 1878 г. В 1879—1900 гг. был солистом Большого театра в Москве. В 1876 г. женился на Ольге Николаевне Коротневой, сестре В. Н. Завистовской.

⁸ Григорий Федорович Ярцев (1858—1918) был студентом естественного факультета Московского университета в 1877—1882 гг. С гимназических лет увлекался живописью, впоследствии стал художником, был членом Товарищества передвижных выставок. С 1894 г. жил в Крыму, встречался в Ялте с Чеховым, Горьким и другими писателями. В 1907 г. был административно выслан из Ялты и с тех пор жил в Москве. Прекратив после 1905 г. занятия живописью, увлекся затем строительным искусством, которым и занимался до конца жизни. См. о нем: А. В. Ярцев в а <жена>. Записки о детстве и юности Григория Федоровича (ЦГАЛИ, ф. 934, Г. Ф. Ярцева, оп. 1, ед. хр. 55) и О. Г. Л я с к о в с к а я <дочь>. Биография Г. Ф. Ярцева (там же, ед. хр. 56).

⁹ Сведений о пианистке Курбатовой обнаружить не удалось.

¹⁰ Лидия Николаевна Коротнева (1863—1919) — младшая из сестер Коротневых, впоследствии участница революционного движения, член партии эсеров. В письме к брату Евгению от 2 февраля 1882 г. Гаршин писал, что она «вообще-то девушка не совсем ординарная» (*Гаршин III*, с. 242).

¹¹ О влюбленности Лидии в Гаршина летом 1878 г. вспоминала позднее и ее сестра О. Н. Хохлова (см. там же, с. 487).

¹² 7 августа 1878 г. Гаршин писал (очевидно, из Окуневых гор) Н. С. Дрентельну: «А все-таки поступлю в университет. Конечно, биологией заниматься не буду <...> Долблю латынь, которая приносит мне все-таки некоторое утешение, читаю Куно Фишера» (*Гаршин III*, с. 162).

¹³ «Attalea princeps» была закончена Гаршиным в марте 1879 г. 12 марта он отнес ее М. Е. Салтыкову для *ОЗ*. Отвергнутая Салтыковым, «сказка» появилась в «Русском богатстве», 1880, № 1 (см.: *Гаршин III*, с. 180, 182, 186, 190 и 473). Сюжет «сказки» был разработан Гаршиным еще в 1876 г. в стихотворении «Пленница».

¹⁴ Романс «Душа моя мрачна...» на слова Лермонтова был написан М. Н. Офросимовым в 1876 г. и в том же году издан.